

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ МИКАЭЛА НАЛБАНДЯНА

Х. Н. Момджян

Исполнилось 125 лет со дня рождения выдающегося борца и мыслителя, идеолога армянской революционной демократии, ученика и соратника Н. Г. Чернышевского, Микаэла Лазаревича Налбандяна.

М. Л. Налбандян вступил на арену политической жизни в начале второй половины XIX в., когда кризис феодально-крепостнического строя в России принимал особенно острый характер. Творчество М. Л. Налбандяна отразило борьбу трудящихся Армении против национально-колониального гнета царского самодержавия и социального гнета феодально-клерикальных элементов и национальной буржуазии. Боясь народных масс, армянская буржуазия, как и русская буржуазия, отвергала идею насильственного уничтожения феодально-крепостнического строя и шла на сделку с самодержавием. Единственной силой, выступавшей за коренную ломку феодально-крепостнических отношений, являлись народные массы и прежде всего крестьянство.

Источником революционного демократизма М. Л. Налбандяна была борьба народных масс против феодально-крепостнических отношений и царизма. Это обстоятельство следует особо подчеркнуть, ибо в течение многих десятилетий армянская буржуазно-националистическая историография пыталась представить армянское общество того времени как единое национальное целое без антагонистических, противоборствующих сил. Исходя из этой ложной посылки, некоторые историки приходили к заключению, будто революционный демократизм Налбандяна не имел почвы в армянской действительности и был заимствован из России. Другие из той же ложной посылки делали не менее ошибочный вывод, будто Налбандян выступал идеологом всей нации и борьба за национальную свободу определила все содержание его практической и теоретической деятельности. Эти вымыслы опровергаются историческими фактами. На самом деле Налбандян выражал думы и чаяния поработанных трудящихся масс Армении. Основой, на которой формировался и развивался революционный демократизм М. Л. Налбандяна, явилась борьба крестьян за землю, за уничтожение феодальной кабалы.

М. Л. Налбандян родился в ноябре 1829 г. в Новом Нахичеване (на Дону, близ Ростова) в семье ремесленника. Еще молодым человеком он принял активное участие в борьбе демократических элементов Нового Нахичевана против реакционной клики купца и помещика Халибьяна, пользовавшегося поддержкой главы армяно-григорианской церкви, эчмиадзинского католикоса. Налбандян вынужден был покинуть родной город, спасаясь от ярости местного купечества и духовенства. С 1853 г. он жил в Москве, где познакомился с произведениями выдающихся представителей русской и западноевропейской культуры; с огромным вниманием М. Л. Налбандян изучал жизнь русского народа и течения общественной мысли современной ему России. Став преподавателем армянского языка

в Лазаревском институте восточных языков, Налбандян быстро завоевал любовь лучшей части армянского студенчества, настойчиво пропагандируя учащимся передовые общественные взгляды.

В 1857 г. М. Л. Налбандян издал на армянском языке книгу Эжена Сю «Агасфер». Этому произведению он предпослал большую работу «Иезуиты», в которой разоблачил реакционную деятельность этой черной гвардии Ватикана. Через год было издано другое произведение Налбандяна — «Мхитар и мхитаристы», направленное против армяно-католической конгрегации и разоблачающее легенду об исключительных культурных заслугах мхитаристов. Обе эти работы сыграли большую роль в борьбе против попыток Ватикана путем окатоличивания армян укрепить влияние западноевропейских держав в Армении.

В Москве М. Л. Налбандян сблизился с буржуазным либералом Степаном Назаряном и сотрудничал в издаваемом им прогрессивном армянском журнале «Юсисапайл» («Северное сияние»). Назарян был широко образованным человеком и неустанным пропагандистом укрепления русско-армянских политических, экономических и культурных связей. Он выступал против армянской феодальной церкви и духовенства, ратовал за светскую культуру, за развитие естественных наук и школьного образования, защищал необходимость утверждения нового армянского литературного языка ашхабара, отвергаемого феодально-клерикальными кругами. Вместе с тем Назарян не выступал против царизма и отвергал необходимость революционного уничтожения крепостного строя. Он связывал общественный прогресс с постепенной, мирной эволюцией разума и расширением просвещения.

Временное сотрудничество М. Л. Налбандяна с Назаряном было возможно в условиях, когда противоположность революционно-демократического и буржуазно-либерального течений общественной мысли не обнаружилась еще с такой резкостью, как несколько лет спустя. Надо учесть и то, что сам М. Л. Налбандян претерпел значительную политическую и философскую эволюцию, прежде чем прийти к революционному демократизму и материализму. В первые годы сотрудничества в журнале «Юсисапайл» М. Л. Налбандян еще не стоял полностью на революционно-демократических позициях и в решении ряда вопросов был солидарен с Назаряном. Но уже и тогда взгляды М. Л. Налбандяна значительно отличались от взглядов С. Назаряна и ему подобных либералов. Охваченный чувством пламенного патриотизма, М. Л. Налбандян ненавидел «бездушных богачей», готовых во имя своих прибылей продать родину, и горячо любил трудящийся народ. Об этом наглядно свидетельствуют как художественные произведения М. Л. Налбандяна («Родина армянского человека», «Дневник» и другие), так и его публицистические статьи, написанные в это время.

Весной 1859 г. М. Л. Налбандян выехал за границу лечиться. Как весьма обоснованно предполагает проф. А. Г. Иоаннисян¹, подлинная причина выезда Налбандяна из России была иная: он опасался последствий доноса на журнал «Юсисапайл», сделанного одним из вожакв армянского феодально-клерикального лагеря, архиепископом Габриелом Айвазовским. Используя опыт Герцена, М. Л. Налбандян хотел создать за границей вольную армянскую типографию и издавать там газету. Налбандян посетил Вену, Берлин, Гамбург, Париж, Лондон, Венецию. Героическая борьба Гарибальди за освобождение и объединение Италии вызвала у него чувство горячего одобрения и энтузиазма. Под непосредственным влиянием итальянского национально-освободительного движения он написал «Песнь итальянской девушки», в которой призывал к вооруженной борьбе за освобождение родины.

¹ См. комментарий А. Г. Иоаннисяна к «Неизданным трудам» М. Налбандяна. Ереван — Москва, 1935, стр. 367—368.

Осенью 1859 г. М. Л. Налбандян возвратился в Россию и после защиты диссертационной работы в Петербургском университете получил ученую степень кандидата восточной словесности. Глубоко изучая русскую литературу и произведения революционеров-демократов, он все больше проникался передовыми идеями времени. В Москве Налбандян устанавливал связи с революционными элементами. В этот период выступления Налбандяна на страницах «Юсисапайла» становились все более радикальными по содержанию и воинствующими по духу. В стихотворении «Дни детства» М. Л. Налбандян писал о своем желании вернуть Аполлону любовную лиру, выйти на площадь с простыми и гневными словами против царства тьмы и насилия. В наши дни, заявлял Налбандян, не любовная лира, а меч должен быть в руках героя. «Кровь и огонь на голову врага — вот смысл нашего бытия»². Направление произведений М. Л. Налбандяна стало серьезно тревожить мирного реформатора С. Назаряна. Оба они уже предвидели неминуемость идейного разрыва. Поездка М. Л. Налбандяном в Армению в 1860 г. дало ему возможность видеть собственными глазами безмерные страдания простого народа. Это еще больше укрепило революционно-демократическое мировоззрение Налбандяна.

В 1861 г. М. Л. Налбандян предпринял поездку в Индию для реализации завещания крупного армянского богача, пожертвовавшего часть своего наследства в пользу армянской общины Нового Нахичевана. Проезжая Европу, он побывал в Лондоне и установил там тесные связи с Герценом, Огаревым, Бакуниным и другими представителями русской революционной эмиграции. За время короткого знакомства М. Л. Налбандян снискал с их стороны большую любовь и уважение. «Налбандов, — писали впоследствии Герцен и Огарев Н. А. Серно-Соловьевичу, — золотая душа, преданная безкорыстно, преданная наивно до святости... Поклонитесь ему — это преблагороднейший человек; скажите ему, что мы помним и любим его»³. В Англии М. Л. Налбандян наблюдал положение английских рабочих, наемное рабство, формальный характер буржуазных свобод; в Индии — тяжелую судьбу колониальных народов, угнетенных английским империализмом. В Турции Налбандян увидел, как под страшным игом турецкого султана и феодалов стонут трудящиеся массы Западной Армении. Во время пребывания в Константинополе он сплотил передовую часть армянской интеллигенции, направив ее борьбу не только против турецких захватчиков, но и против армянских феодалов, духовенства, компрадорской буржуазии. М. Л. Налбандян сыграл значительную роль в идейной и организационной подготовке восстания армянских крестьянских масс Зейтуна против турецких властей. Со страниц константинопольской прогрессивной армянской газеты «Мегу» («Пчела»), которую редактировал А. Свачян, Налбандян вел пропаганду своих революционно-демократических идей.

В Париже М. Л. Налбандян написал и издал свой знаменитый памфлет «Две строки» (1861 г.), направленный против армянского феодально-клерикального лагеря, и свое важнейшее теоретическое произведение «Земледельце, как верный путь» (1862 г.). В этой книге, изданной под псевдонимом «Симеон Маникян», он резко осудил эксплуататорские порядки и высказал свои утопические взгляды на будущее «разумное и справедливое» общество. М. Л. Налбандян изложил в ней свое понимание нации, национального вопроса и путей национально-освободительной борьбы. Он заявил, что нет подлинной свободы для народа без коренного улучшения его экономического положения.

² М. Налбандян. Избранные сочинения. Ереван. 1953, стр. 28 (на армянском языке).

³ М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб. 1908, стр. 22.

В 1862 г. М. Л. Налбандян вернулся в Россию. Чтобы отчитаться перед земляками о выполнении своего поручения в Индии, он поехал в Новый Нахичеван. Но там он был арестован и под конвоем отправлен в Петербург. М. Л. Налбандян обвинялся в связях с «лондонскими пропагандистами», то есть с Герценом, Огаревым и другими русскими революционными эмигрантами. По этому же делу привлекались братья Серно-Соловьевичи, Ветошников, Ничипоренко, Воронов, Лялин и другие. Характерно, что примерно в это же время был арестован и Н. Г. Чернышевский.

Три года просидел М. Л. Налбандян в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости. Несмотря на тяжелые физические страдания, он вел себя стойко и мужественно. Замурованный в тесную камеру царского каземата, М. Л. Налбандян не утратил чувства неразрывной связи с народом, которому поклялся служить до последнего вздоха. В одном из своих писем, написанных из Петропавловской крепости, он выражал твердую уверенность в том, что народ оценит его взгляды и оправдает его действия.

В эти годы одиночного заключения М. Л. Налбандян, пользуясь правом переписки с близкими родственниками, в письмах, адресованных своим единомышленникам, остававшимся на свободе, давал необходимые советы и указания. К числу друзей и учеников Налбандяна принадлежали А. Свачян, С. Тагворян, О. Берберян, М. Будагян, А. Султаншах, Г. Агаян и другие. Там, в Петропавловской крепости, озаренный светлыми идеями своего великого учителя Чернышевского, сидевшего в той же тюрьме, Налбандян написал свои наиболее зрелые произведения — «Гегель и его время», «Национальное бедствие». В работе «Гегель и его время» Налбандян сделал большие выписки из произведения Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения».

14 мая 1865 г. М. Л. Налбандян был отправлен из Петропавловской крепости в ссылку в Камышин. Пораженный смертельным недугом, он прожил там недолго. Налбандян умер от туберкулеза 31 марта 1866 года. Похороны армянского революционного демократа, состоявшиеся вблизи Нового Нахичевана, превратились в большую политическую демонстрацию, показавшую широкую популярность Налбандяна.

Творчество Налбандяна знаменовало собой революционно-демократический этап в развитии передовой армянской общественной мысли. В 50—60-х годах XIX в., в обстановке усиления борьбы народных масс против царизма и крепостничества, М. Л. Налбандян продолжил и развил демократические традиции своего выдающегося предшественника Хачатура Абовяна. Под влиянием Чернышевского и других передовых русских людей он поднялся до революционного демократизма. Мировоззрение М. Л. Налбандяна характеризовалось прежде всего его непримиримо враждебным отношением к царизму и крепостничеству и стремлением насильственно сокрушить их.

М. Л. Налбандян отверг наивные иллюзии о возможности освобождения народных масс путем мирной просветительской деятельности. На вопрос, в состоянии ли народ, влачащий нищенское существование, думать о просвещении, М. Л. Налбандян отвечал: «В рабстве, в нищете нет и не может быть просвещения»⁴. Он утверждал, что положение всякого народа в первую очередь обуславливается степенью его материальной обеспеченности. «Экономическая проблема,— писал М. Л. Налбандян,— является проблемой жизни и смерти... И невозможно обновить основы

⁴ М. Налбандян. Полное собрание сочинений. Т. III. Ереван. 1940, стр. 72 (на армянском языке).

жизни армянской нации, нельзя сообщить ей силу и мощь, пока нация, простой народ нуждается в засушном хлебе, пока экономическая проблема его жизни не решена»⁵. Анализируя итоги Французской буржуазной революции 1789—1794 гг., М. Л. Налбандян указывал, что свобода, равенство и братство не могли не оказаться обманом и самообманом, раз продолжало существовать имущественное неравенство и трудящиеся массы не добились коренного улучшения своего материального положения. По убеждению М. Л. Налбандяна, нет и не может быть политической свободы там, где существует экономическая зависимость большинства народа от богатей: «Пусть хоть сорок раз меняют форму правления, но пока часть общества овладела землей, а другая часть нищенствует, в таком обществе господствует насилие»⁶.

Из этих оценок, не укладывавшихся в традиционные идеалистические схемы, М. Л. Налбандян сделал важные выводы: чтобы достичь свободы и благополучия народа, нужно покончить с тем социальным строем, который обрекает его на голод и вымирание, и с царским самодержавием, которое стоит на страже этого строя. М. Л. Налбандян определял феодализм как неразумный и несправедливый строй, который нарушает врожденную свободу человека, его равенство с другим человеком, превращает одних людей в собственность других. И он требовал полного уничтожения крепостнической зависимости крестьян от помещиков. Выражая интересы крестьян, М. Л. Налбандян писал: «Мы не желаем более оставаться в тех отношениях, которые замучили наших предков и мучают нас. Вековыми рубцами покрыты наши спины, безудержное варварство на нас испробовало всю свою силу. Наши юные дочери стали жертвами насилия со стороны бар... Детей наших господа обменивали на собак. Нет! Немыслимо больше оставаться при этих отношениях»⁷.

Будущность России, а вместе с ней и будущность всех населяющих ее народов Налбандян в первую очередь видел в уничтожении крепостничества. Налбандян разглядел подлинную сущность крестьянской реформы 1861 г. и был в числе тех передовых людей России, кто требовал незамедлительного освобождения крестьян с землей и без выкупа. Он писал, что тот, кто желает освободить крестьян без земли, должен быть готов ко всеобщему восстанию крепостных. «На самом деле,— писал Налбандян,— куда деваться 23 миллионам людей без земли, без пристанища, что им делать, как просуществовать. Ту землю, на которой он жил и которую он обрабатывал, ныне, после освобождения, крестьянин должен арендовать у своих господ. Что это за свобода?!»⁸. М. Л. Налбандян указывал, что царское правительство поняло, что освободить крестьян совершенно без земли означает вступить в войну с 23-миллионной массой, которая в страхе перед голодной смертью, впавшая в отчаяние, будет сражаться с огромной силой. Боясь этой перспективы, царизм пошел на уступки, которые, однако, не могли удовлетворить крестьянство. Констатируя «лихорадочное и напряженное положение», создавшееся после крестьянской реформы, М. Л. Налбандян отмечал, что такое состояние не может долго длиться. Он пишет слова, перекликающиеся со словами прокламации Н. Г. Чернышевского «Барским крестьянам»: «Если своевременно не поступят разумно и крепостной не будет полностью освобожден вместе с землей и проблема не будет разрешена этим способом, крепостной решит задачу с помощью топора»⁹.

Из этих слов было бы ошибочным делать заключение, будто Налбандян допускал мирное разрешение антагонистических противоречий между помещиками и крепостными крестьянами. В той же работе «Земледелие,

⁵ Там же, стр. 73.

⁶ Там же, стр. 56.

⁷ Там же, стр. 58.

⁸ Там же, стр. 56.

⁹ Там же, стр. 61.

как верный путь», откуда взяты приведенные выше слова, М. Л. Налбандян указывал, что царское правительство не могло полностью освободить крепостных с землей, ибо это означало идти против помещиков. Налбандян хорошо понимал единство интересов помещиков и царизма и не строил на этот счет иллюзий. Если бы Налбандян верил в мирное разрешение основных противоречий современной ему жизни, то вряд ли он установил бы связи с подпольными революционными организациями и выполнял бы революционные задания, вряд ли оказался бы в Петропавловской крепости вместе с Чернышевским и Серно-Соловьевичем и не окончил бы жизненный путь в царской ссылке. В вопросе о революционной борьбе против царизма и крепостничества он был солидарен со своим учителем Н. Г. Чернышевским.

Важнейшим элементом мировоззрения М. Л. Налбандяна является идея непримиримости интересов простого народа и его угнетателей. В отличие от феодально-клерикальных и буржуазно-либеральных идеологов, изображавших армянскую нацию чем-то единым и монолитным, М. Л. Налбандян говорил о непримиримости интересов между богатыми и обездоленными. «В нашей нации имеются ныне различные взгляды, направления и, следовательно, различные знамена,— писал М. Л. Налбандян.— Бессмысленно отрицать это, столь же бессмысленно желать единства между враждующими частями»¹⁰. М. Л. Налбандян отказывался включить в понятие нации, точнее, народа, эксплуататорское меньшинство: «Говоря нация, нужно подразумевать простой народ, а не несколько вельмож, вышедших из его среды и разбогатевших ценой его пота и крови»¹¹.

В произведении «Две строчки» М. Л. Налбандян, вступая в прямое противоречие с утверждениями либералов, отстаивал мысль о невозможности служить нации в целом: и поработителям и поработенным, и богачам и беднякам. Определяя свою революционно-демократическую программу действия, он писал: «Мы добровольно посвятили себя защите прав простого народа. Себя и свое перо мы не посвятили богачам, которые под прикрытием серебряных валов всегда неуязвимы даже под властью тиранов».

Закованным в серебряную броню богачам М. Л. Налбандян противопоставлял «обездоленного, поработенного, убогого, голого и голодного армянина, который угнетен не только чужеземцами и варварами, но и своими богачами, духовенством и полуграмотными, так называемыми «образованными» или «философами»¹². Он заявлял, что без единой минуты раздумья и колебания решил все свои силы посвятить защите интересов этого поработенного армянина.

В то время как С. Назарян в своей работе о Французской буржуазной революции осуждал революционные методы борьбы против феодализма и абсолютизма, М. Л. Налбандян благословлял революционное насилие, применяемое для уничтожения старого, отжившего мира. Утверждая, что борьба за поправные права армянина-труженика является смыслом и целью его жизни, М. Л. Налбандян произнес свою знаменитую клятву, которой он остался верен до последнего вздоха: «Чтобы достичь этой цели, мы не дадим утратить себя ни тюрьмой, ни ссылкой, будем бороться не только словом и пером, но и оружием и кровью, если удостоимся когда-либо чести взять в руки оружие и омыть кровью ныне проповедуемую нами свободу. Вот символ нашей веры, в котором мы видим спасение нации»¹³.

Борьбу против феодально-крепостнических отношений М. Л. Налбандян неразрывно связывал с борьбой против царизма. Он понимал прогрессивную роль присоединения Восточной Армении к России. Этим историческим актом значительные массы армянского народа навсегда осво-

¹⁰ М. Налбандян. Соч. Т. II, стр. 262—263.

¹¹ М. Налбандян. Соч. Т. III, стр. 45.

¹² Там же, стр. 23.

¹³ Там же, стр. 24.

бодились от перспективы полного физического истребления, от трагической участи, выпавшей на долю армянского населения Турции. Но в отличие от С. Назаряна и других армянских буржуазных либералов М. Л. Налбандян не отождествлял русский народ с царизмом. «Надо знать, — писал М. Л. Налбандян, — что государство — не нация, а интересы государства ничего общего не имеют с интересами нации до тех пор, пока государство организовано так, как оно организовано сегодня». М. Л. Налбандян понимал, что тогдашние государства отражали интересы эксплуататорской верхушки нации. В русском царизме он видел общего врага всех народов России. Отсюда М. Л. Налбандян приходил к выводу о необходимости единения всех угнетенных людей, независимо от их национальности, для совместной борьбы против общего врага. Это в корне противоречило воззрениям буржуазных националистов, призывавших к «миру» и «гармонии» внутри нации и признававших «правомерность» борьбы лишь с людьми чужой нации.

Одна из великих заслуг М. Л. Налбандяна заключается в том, что он был первым армянским общественным деятелем, который обосновал необходимость единения армянского революционного движения с общероссийским революционным движением, направленным на уничтожение царизма и крепостничества.

Это был удар, нанесенный армянскому буржуазному национализму, который еще на ранних стадиях своего формирования, призывая к верности русскому царизму, страшился единения армянского народа с русским и другими народами для совместной борьбы против их общих врагов. Требование Налбандяна связать армянское революционное движение с общероссийским революционным движением явилось новым, революционно-демократическим пониманием необходимости сохранения и укрепления вековых братских уз между армянским и русским народами.

Величие грядущей русской революции Налбандян видит в том, что она призвана разрешить вопрос, волнующий миллионные массы простого народа, вопрос о земле. «Существующую в России борьбу за свободу, — писал М. Л. Налбандян, — смело можно назвать борьбой за человеческую свободу, ибо она ведется из-за земли». Русский народ, указывал Налбандян, сражается не только за свою свободу, но за свободу Польши, Финляндии, Украины, Кавказа, Грузии и Армении; для полного и подлинного своего освобождения русский народ отвергает всякую форму рабства, всякую форму деспотизма. С мудрой прозорливостью М. Л. Налбандян писал: «Освобождение России имеет важное значение для свободы всего человечества»¹⁴.

Горячо любя свой многострадальный народ, его историю и культуру, М. Л. Налбандян стремился добиться его национального и социального освобождения. Указывая на необходимость борьбы за эту цель, М. Л. Налбандян отмечал, что «для угнетенных людей национальность является ныне тем единственным знаменем, которое может быть поднято против деспотизма»¹⁵. М. Л. Налбандян с отвращением говорил о национальном нигилизме и космополитизме как о «жалкой и плачевной философии». Вместе с тем он отвергал националистические и расистские вымыслы и резко осуждал натравливание одной нации на другую. «Пусть каждая нация, — писал М. Л. Налбандян, — сохраняет свой национальный облик, пусть свободно и ярко расцветают все нации во всем мире»¹⁶. Это чувство уважения к другим народам пронизывает все произведения М. Л. Налбандяна. Характерно, что, защищая идею единения закавказских народов и укрепления их связей с русским народом, М. Л. Налбандян резко отрицательно относился к Шамилю и руководимому им реакционному движению, направленному на отторжение Кавказа от России.

¹⁴ Там же, стр. 61.

¹⁵ Там же, стр. 90.

¹⁶ М. Налбандян. Соч. Т. II, стр. 259.

М. Л. Налбандян выступал против лживых теорий, увековечивавших нацию. Нация, по мнению М. Л. Налбандяна, является историческим явлением. Она порождена специфическими условиями и на определенном этапе развития человеческого общества исчезнет. «Если принцип равного права будет признан всеми странами, — утверждает он, — если исчезнут существующие государственные системы, то вопрос о нации исчезнет...»¹⁷. Налбандян сделал попытку объяснить национальные особенности историческими условиями, а не раз навсегда данными мистическими расово-национальными признаками. М. Л. Налбандян выступал против попыток воздвигнуть непроходимые грани между различными народами, увековечить национальные особенности, прославить все национальные традиции, независимо от того, хороши они или плохи. Имея в виду армянских реакционеров, М. Л. Налбандян писал: «У некоторых имеется ложная и вредная философия, согласно которой все, что имеется у армянской нации, является добродетелью... Грязное и гнилое болото, в котором мы тонем, — также священо, ибо мы армяне находимся в нем»¹⁸.

М. Л. Налбандян разоблачал жестокую колониальную систему, созданную капитализмом и прикрытую лжегуманистическими разговорами о приобщении колониальных народов к цивилизации. Характеризуя цивилизаторскую миссию колонизаторов, М. Л. Налбандян писал: «Тюрьмы являются их школой: полицейские и жандармы — учителями; цепи — инструментами; ссылка — высшей школой морального совершенствования, виселица и позорный столб эшафота — «врата истинные, ведущие к вечной жизни»¹⁹.

В статье «Заметка», предположительно написанной в 1864 г. М. Л. Налбандян разоблачал враждебную армянскому народу деятельность американских миссионеров в Западной Армении. Имея в виду свободу, которую сулили лазутчики американских и европейских колонизаторов армянам, М. Л. Налбандян иронически отмечал: «Свобода, которая не отличается от деспотизма!»²⁰. Налбандян указывал, что придет время, когда раскроется подлинный смысл деятельности американских миссионеров и «армянский народ перед лицом просвещенного мира потребует у них ответа»²¹. В противовес буржуазным либералам, изображавшим европейские державы «защитниками» и «покровителями» армянского населения Турции, М. Л. Налбандян отмечал, что под видом покровительства западноевропейские державы в действительности осуществляют свои захватнические цели.

Подобно великим русским революционным демократам, М. Л. Налбандян выступал прежде всего против феодально-крепостнических порядков. Понятно, что в тех исторических условиях эти выступления объективно содействовали утверждению капитализма, ибо предпосылкой для иного общественного строя тогда не существовало. Однако нельзя не отметить, что М. Л. Налбандян ненавидел капитализм и достижение своего социально-политического идеала связывал с гибелью не только феодальных, но и буржуазных отношений. Так, М. Л. Налбандян называл итоги Французской буржуазной революции конца XVIII в. жалкими, ибо эта революция не уничтожила имущественного неравенства; она превратила значительные массы населения, лишённые всех средств существования, в наемных рабов капиталистов. В уста рабочего М. Л. Налбандян вкладывал следующие слова: «Свободен ли я, если называюсь свободным только по закону, только политически? Свободен ли я, если материальная нужда, волей-неволей, вынуждает меня превращаться в чужого раба, служить другому и этим служением находить пропитание для своей семьи? Сво-

¹⁷ М. Налбандян. Соч. Т. III, стр. 81.

¹⁸ М. Налбандян. Соч. Т. I, стр. 282.

¹⁹ М. Налбандян. Соч. Т. III, стр. 89—90.

²⁰ М. Налбандян. Избр. соч., стр. 551.

²¹ Там же, стр. 547.

боден ли я, если имею господина, которому стоит только мне заявить о своей полной свободе, чтобы лишиться работы и тем самым пропитания для себя и для своей семьи»²².

М. Л. Налбандян видел неисчислимы бедствия, которые причиняет капитализм народным массам. Он воспроизводил картину страшной жизни оторванных от земли и ушедших в большие города на заработки армянских крестьян. Каторжный труд, полуголодное существование, преждевременная смерть, полное разорение и пауперизация семьи — такова судьба рабочего. Не понимая, что возникновение капитализма не зависит от воли и сознания людей, а порождается объективными причинами, М. Л. Налбандян утопически мечтал о возможности предотвращения появления этого чудовища в странах, куда он еще не проник.

В эпоху, когда капитализм шел еще по восходящей линии, а идеологи буржуазии курили ему фимиам и провозглашали его вечным общественным строем, М. Л. Налбандян отмечал, что капиталистическая система не устоит перед грядущей бурей. «Европа, — писал он, — стоит сегодня перед трудно разрешимой проблемой. Это экономическая проблема, проблема человека и хлеба. И этот вопрос, рано или поздно, хотя и в результате страшных бурь, будет разрешен. Никакие насилия, никакая консервативная система, никакое сопротивление не сумеют предотвратить грядущее, хотя гонимыми и сосланными являются сегодня его пророки и апостолы»²³.

Но идеал грядущего строя рисовался Налбандяну смутно и неопределенно, а истинных путей достижения этого строя Налбандян не знал. В результате слабого развития капитализма в России и отсталости русской жизни не только он, но и русские революционные демократы не могли понять историческую роль рабочего класса и подняться до научного социализма, до революционного марксизма. В рабочих Налбандян видел лишь наиболее страждущих людей, потерявших всякую собственность. Их спасение он видел лишь в приобретении ими какой-либо собственности. Симпатии Налбандяна были на стороне крестьянского социализма Чернышевского. Он стоял за возврат к земледелию, организованному на справедливых социальных принципах, главнейший из которых гласит: «Земля принадлежит обществу, каждый член которого имеет равное право на равное количество земли»²⁴. Чтобы предотвратить потерю человеком собственности на землю, он предлагал запретить продажу и закладывание земельного надела.

М. Л. Налбандян не поднялся до понимания необходимости отменить частную собственность на средства производства. Он отрицал лишь такую частную собственность, которая не имеет своим источником личный труд, и особенно недопустимым он считал собственность на вещи, которые в готовом виде даны природой. «Собственность на то, — писал М. Л. Налбандян, — что природа без нашего труда нам предоставляет, является воровством»²⁵. Равное распределение земли М. Л. Налбандян считал достаточным основанием для упразднения эксплуатации человека человеком, для утверждения справедливых отношений и истинно человеческой морали.

Вслед за Н. Г. Чернышевским М. Л. Налбандян придавал решающее значение для победы будущего социалистического строя крестьянской общине. Анализируя различные социально-экономические порядки и оценивая их значение для судеб человечества, он писал: «Общинное начало, которое существует в России, остается единственно благотворным путем»²⁶.

²² М. Налбандян. Соч. Т. III, стр. 52.

²³ Там же, стр. 81.

²⁴ Там же, стр. 49.

²⁵ Там же, стр. 53.

²⁶ Там же, стр. 313.

М. Л. Налбандян не понимал, что защищаемый им общественный строй вследствие своей мелкобуржуазной основы с неизбежностью порождает капиталистические отношения, что победа действительно социалистического общества подготавливается развитием капитализма, что решающей силой, могущей обеспечить эту победу, является рабочий класс.

Как ни идеалистичны, ни утопичны взгляды Налбандяна на будущий общественный строй, они, тем не менее, были порождены искренним желанием освободить трудящиеся массы от всех форм экономического, политического и духовного гнета. В условиях, когда марксизм не был еще известен в Армении, впервые проповедуемые Налбандяном в армянской действительности социалистические воззрения, несмотря на свою мелкобуржуазную природу и утопический характер, вдохновляли передовых людей на борьбу против господствующих реакционных порядков, против царизма и крепостничества.

Налбандян не ограничился разоблачением социально-политических взглядов противников революционной демократии. Он критиковал их философские, исторические, этические и эстетические взгляды, пытался раскрыть реакционную сущность всей идеологии армянских эксплуататорских классов.

В основе социально-политических взглядов М. Л. Налбандяна лежало материалистическое мировоззрение. Это мировоззрение проявлялось еще в творчестве великого армянского просветителя-демократа Хачатура Абовяна, который стремился привлечь внимание к «земным делам» и с нескрываемой иронией говорил о «потустороннем» мире. Произведения Х. Абовяна подготовили идейную почву для утверждения открытого материализма и прямой критики религии в Армении во второй половине XIX века. Эта задача была в условиях Армении выполнена М. Л. Налбандяном.

М. Л. Налбандян испытал значительное влияние Людвиг Фейербаха и особенно Н. Г. Чернышевского, а также других представителей русской материалистической философии. Следуя их взглядам, Налбандян утверждал вечность и несотворенность материи, которая, находясь в вечном движении и развитии, без всякого вмешательства сверхъестественных сил порождает все бесчисленные и разнообразнейшие формы своего существования. Как верный ученик Чернышевского, он материалистически решал основной вопрос философии — вопрос об отношении мышления к бытию, отвергая учение о субстанциональности души и отказываясь видеть в ней самостоятельное начало. Налбандян рассматривал ощущения, порожденные воздействием внешних явлений, как первый источник познания. Признавая всеобщий характер материалистически понятой причинности, он отвергал мысль о существовании явлений, не подчиненных естественным причинно-следственным связям: «Нет на свете ничего, что не подчинялось бы законам природы. Все, что не является таковым, является ложью»²⁷.

Пропагандируя материалистические взгляды о познаваемости мира, о возможности использования законов природы в интересах человека, М. Л. Налбандян писал: «Природа подобна огню. Она сжигает и уничтожает, если с ней обращаются с грубой непосредственностью. Но несмотря на это нельзя считать природу непобедимой, если выступить против нее со знанием дела, используя против природы средства, предоставляемые самой природой»²⁸. Став на позиции материализма, М. Л. Налбандян подверг критике идеалистическую философию. «Прошли те времена, — писал он, — когда окутанное туманом человеческое воображение

²⁷ Там же, стр. 339.

²⁸ Там же, стр. 332.

из ничто создавало вселенную. Теперь каждый школьник повторяет вместе с нами: «Ex nihilo nihil fit»²⁹.

М. Л. Налбандян отмечает, что идеализм имеет дело с вымышленным миром произвольных идей и мертвых, безжизненных мыслительных конструкций и не питает подлинного интереса к науке, к научному познанию, к великой задаче преобразования жизни на разумных началах, к задаче создания человеческого счастья. «Ту философию,— указывал он,— которая непосредственно не вытекает из человеческой жизни и постоянно не действует на нее... мы объясняем ложным знанием и обманом».

В работе «Гегель и его время» Налбандян подверг критике немецкий идеализм конца XVIII и первой половины XIX века. Налбандян отмечал, что каждая философская система является продуктом своего времени, что нужно отвергнуть претензии философских систем Канта и Гегеля на всеобщность, непогрешимость и вечность. Следуя за русскими революционерами-демократами, Налбандян критиковал реакционные социально-политические взгляды Гегеля, он указывал, что Гегель идеализирует цепи, «выкованные деспотическими фридрихами», и приходит в содрогание даже от конституционной английской монархии.

М. Л. Налбандян неустанно повторял, что нужна другая философия, философия, соответствующая целям и задачам народа, помогающая изменить жизнь в интересах народа. «Человек,— писал он,— не имеет пристанища, не имеет хлеба, не имеет одежды... Если ты в состоянии найти такие благоразумные и естественные пути, такие гуманные средства, чтобы человек мог найти себе кров, иметь хлеб и прикрыть свою наготу, воздать должное природе, лишь тогда ты находишься на тех путях и действуешь теми средствами, которые составляют сущность философии»³⁰.

Понятно, что материализм, защищаемый Налбандяном, был в основе своей метафизическим материализмом. Но, несмотря на это, армянский революционный демократ, подобно Чернышевскому и другим русским материалистам, пытался материалистически трактовать отдельные положения диалектики Гегеля. Материалистически поняты положения о всеобщем развитии, о борьбе противоположностей, о непобедимости нового использовались им для обоснования своей революционно-демократической программы. «Защитники старых понятий,— отмечал М. Л. Налбандян,— никогда не согласятся мирно отступить перед новыми идеями... новое должно с борьбой водрузить знамя на развалинах старого»³¹.

Понимая, что наука и религия непримиримы, М. Л. Налбандян считал, что в основе религиозных верований лежат темные, невежественные представления дикарей. Вместе с тем религия является орудием политической борьбы, средством обмана и духовного закабаления народа. «Религия,— писал он,— воздействует на бедный и наивно мыслящий народ так, как гашиш на организм человека. Поэтому мы должны уничтожить религию и очистить от нее армянскую ниву»³². В «Ахцмике» М. Л. Налбандян осмелел библейские премудрости, показал нелепость религиозных «истин» и их противоречие здравому человеческому рассудку. До Налбандяна никто в Армении не разоблачал с такой силой антинародную политику церкви, ее неразрывную связь со светскими угнетателями народа, ее враждебное отношение к общественному прогрессу, к просвещению народных масс. На большом фактическом материале М. Л. Налбандян показал, что «армяне подчинены не только дубине чужеземца, но и эксплуатации со стороны своих церковников»³³.

Смело выступая против религии и церкви, Налбандян не освободился, однако, от некоторых деистических предубеждений, хотя при этом

²⁹ Там же, стр. 73.

³⁰ Там же, стр. 299—300.

³¹ Там же, стр. 15.

³² М. Налбандян. Соч. Т. I, стр. 469.

³³ М. Налбандян. Соч. Т. III, стр. 29.

надо иметь в виду, что в условиях тогдашней армянской действительности деизм продолжал оставаться вежливой формой отказа от религии. Нельзя обойти молчанием и тот факт, что М. Л. Налбандян не сумел до конца раскрыть истинный смысл этических принципов первоначального христианства и был склонен несколько идеализировать их. Здесь, очевидно, сказалось не преодоленное полностью влияние «философии любви» Фейербаха, хотя эта философия и находилась в противоречии со всей революционно-демократической идеологией Налбандяна.

Налбандян как в своих художественных произведениях, так и в литературно-критических работах отстаивал интересы армянской демократии. Он подвергал резкой критике эстетику армянских эксплуататорских классов. В работе, посвященной критическому разбору произведения армянского писателя Прошяна «Сос и Вардигер», Налбандян, основываясь на эстетических взглядах Белинского и Чернышевского, рассматривал литературу как специфическое отражение реальной действительности. Решающим критерием художественности произведения он считал правдивость изображения жизни. Налбандян выступал за идейную литературу, беспощадно разоблачающую все мертвое и реакционное и служащую делу освобождения народа. Как в «Критике», так и в других своих произведениях Налбандян отвергал литературу, которая отражает лишь поверхность жизненных явлений и ограничивается простым фотографическим воспроизведением действительности. Он стоял за реалистическую литературу, которая умеет проникать в сущность явлений, схватывать главное, не боится «выносить приговор жизни». Налбандян отстаивал один из важнейших принципов русской революционно-демократической эстетики — принцип единства содержания и формы, требование сочетать идейность произведения с его высокой художественностью.

Как и все материалисты домарковского периода, Налбандян в трактовке вопросов общественной жизни был идеалистом. Он считал, что общественный прогресс обуславливается успехами человеческого разума и их практической реализацией. В работе «Гегель и его время» Налбандян писал, что восходящее развитие человеческого общества зависит от расширения и усовершенствования человеческих понятий³⁴. Но было бы грубой ошибкой отождествлять социологические взгляды Налбандяна с социологическими взглядами идеологов феодализма и буржуазного либерализма на том основании, что все они были идеалистами в понимании истории. Произведения Налбандяна пронизывает стремление изгнать всякое сверхъестественное начало в объяснении общественной жизни людей. В них пропагандируется, что история есть дело рук людей, являющихся частью природы и действующих в силу естественных причин. М. Л. Налбандян указывает, что научная история кончается там, где для объяснения исторических фактов прибегают к богу и божественному промыслу. В этом случае открывается простор для произвольного толкования истории, для утверждения того, что желателен утверждать «историку».

С этих позиций М. Л. Налбандян подверг резкой критике концепции армянского феодально-клерикальной историографии, в частности, одного из ее столпов — М. Чамчяна. М. Л. Налбандян писал: «Мы не обвиняем Чамчяна, он является таким же вартапетом, как и его предшественники, а история армян для многих кажется легендой, а не наукой в европейском понимании. Поэтому все, что приходит им в голову, они пишут без исследования и без доказательств»³⁵. Налбандян поднимал голос протеста против тех, «кто плод своей мысли или воображения желает преподнести как слово науки»³⁶. Налбандян разоблачал, в частности, грубую тенденциозность мхитаристов, которые в угоду Ватикану иска-

³⁴ Там же, стр. 310.

³⁵ Там же, стр. 263.

³⁶ Там же, стр. 284—285.

жали прошлое армянского народа. М. Л. Налбандян отмечал, что историки, принадлежавшие к феодально-клерикальному лагерю, всячески прославляют феодальную знать, расписывают исключительные заслуги армянской церкви и армянского духовенства перед армянским народом и заявляют, будто армянский народ самим своим существованием обязан армянской церкви. «Мы, — писал Налбандян, — со всей решительностью отвергаем этот вымысел церковников»³⁷.

Исторические работы М. Л. Налбандяна «Иезуиты», «Мхитар и мхитаристы», рецензия на изданную мхитаристами «Историю Вардана», комментарии к работе Лазаря Парбеци и другие знаменовали собой новый, революционно-демократический этап в развитии армянской историографии. Они были в первую очередь направлены против феодально-клерикальных историков. Вместе с тем М. Л. Налбандян решительно боролся и против более утонченных буржуазно-фидеистских концепций, провозглашавших мистифицированное человеческое сознание движущей силой истории. Налбандян понимал, что «мировой дух» и «абсолютная идея» являлись лишь псевдонимом бога. Имея в виду эти спиритуалистические учения, М. Л. Налбандян писал: «Много уже выстрадало человечество во имя всякого рода идеальных систем, над которыми оно теперь смеется, но некоторые еще в почете! Хотя они суть не что иное, как видоизменение прежних, ныне уже осмеянных, тем не менее повязка на глазах еще крепка. Пора бы теперь воздержаться немного от метафизики в пользу реальных учений!»³⁸.

Большое впечатление на Налбандяна, как и на многих представителей русской революционной интеллигенции 60—70-х годов, произвела книга Бокля «История цивилизации в Англии». Налбандян, видимо, заинтересовался этой книгой не потому, что Бокль пытается в ней оправдать буржуазный строй, затушевать растущие противоречия и осудить революционные скачки. Он был увлечен критикой Боклем провиденциализма и свободы воли в истории, стремлением объяснить ход истории влиянием на человека окружающих его природных условий. Настолько было сильно его презрение ко всем метафизическим, спиритуалистическим историческим концепциям, что даже исторические принципы Бокля могли показаться Налбандяну важными и значительными. Находясь на идеалистических позициях в объяснении общественной жизни, М. Л. Налбандян, естественно, не мог понять всю ненаучность географического направления в социологии, представленного Боклем.

М. Л. Налбандян отказывался рассматривать историю как хаос случайностей, как продукт произвольных действий людей, одаренных свободой воли. Защищая исторический детерминизм, М. Л. Налбандян заявлял, что свободы воли нет, что она обусловлена внешними для человека обстоятельствами. Задача исторической науки — раскрыть общий закон, которым объясняются все отдельно взятые исторические факты и события. Налбандян писал, что «нельзя правильно изучить дух истории, пока частные ее явления не сведены к единому источнику, которым они обусловлены»³⁹.

Но каков этот общий закон, подчиняющий себе весь ход развития общественной жизни? Налбандян ошибочно утверждал, что этот закон гождествен по существу своему законам природы: «Законы природы действуют с математической точностью. Человек, как часть природы, и человеческая жизнь, как природное явление, должны быть подвластны закону природы и математической точности»⁴⁰, только в этом случае возникает закономерная связь между прошлым и настоящим, между настоящим и будущим. Налбандян полагал, что только при наличии строгой естествен-

³⁷ Там же, стр. 26.

³⁸ М. Налбандян. Соч. Т. IV, стр. 175.

³⁹ М. Налбандян. Соч. Т. III, стр. 293.

⁴⁰ Там же, стр. 96.

ной закономерности в развитии общественной жизни возможна история как наука и превращение исторического знания в орудие предвидения будущего.

В поисках ведущего закона общественной жизни М. Л. Налбандян приближается к правильному пониманию значения экономического фактора в жизни общества. Он писал, что все крупнейшие исторические события имели своей причиной явления экономического порядка. Решающим вопросом истории России Налбандян считал уничтожение крепостнических отношений. Не случайно главная теоретическая работа М. Л. Налбандяна «Земледелие, как верный путь» была посвящена преимущественно экономическим вопросам. В ней говорилось об источнике богатств, о путях коренного улучшения экономического положения народа и т. п.

Ни Чернышевский, ни тем более его ученик Налбандян не стояли на позициях исторического материализма, ибо не рассматривали экономические отношения как отношения, существующие вне и независимо от человеческого сознания. Так, Налбандян полагал, что развитие самих экономических отношений зависит от усовершенствования разума, от развития научного познания. Тем не менее даже такое понимание экономики и ее значения в общественной жизни народа означало значительный шаг вперед.

Признание огромного значения экономического вопроса в общественной жизни вело Налбандяна к правильному пониманию роли народных масс в истории. Налбандян не сумел, конечно, научно, с позиций исторического материализма объяснить эту роль. Но он считал радикальными и прочными лишь те общественные преобразования, которые осуществлены народными массами и во имя их жизненных интересов. «Свобода, данная сверху, не больше росы»⁴¹, свобода должна быть завоевана снизу, самим народом; просвещение народа должно осуществиться руками самого народа. Понимая все значение выдающихся личностей в общественном развитии, Налбандян вслед за Чернышевским и Добролюбовым утверждал, что сила исторической личности в ее связях с народом. «Отдельные личности, — считал Налбандян, — выходя из среды народа, своей личной деятельностью, личным сознанием могут во многих отношениях быть полезными для великого дела просвещения и прогресса человечества. Но они лишь тогда достигнут успеха, если будут крепко связаны с простым народом, если между их личной деятельностью и народом будет существовать живая и непрерывная связь и взаимопонимание»⁴².

При всей своей исторической и классовой ограниченности взгляды М. Л. Налбандяна являлись для своего времени революционными и знаменовали собой важный принципиальный сдвиг в развитии общественной мысли Армении. Порожденные острыми социальными противоречиями и сложившиеся под влиянием русских революционных демократов, они служили общественному прогрессу. Армянские революционные демократы, передовые деятели армянской культуры воспитывались на трудах М. Л. Налбандяна, искали в них ответы на острые и злободневные вопросы жизни. Недаром ученик и соратник великого Ленина С. Г. Шаумян считал Налбандяна наряду с Чернышевским и Добролюбовым предшественником армянских революционных марксистов.

⁴¹ Там же, стр. 57.

⁴² М. Налбандян. Соч. Т. II, стр. 258.